

Check your privilege, или Социология исследовательских объектов

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *KRAUSE M. (2021). MODEL CASES: ON CANONICAL RESEARCH OBJECTS AND SITES. CHICAGO AND LONDON: UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS.*

Александр Ким

Студент факультета гуманитарных наук, ОП «Филология»,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Старая Басманная, 21/4, Москва, 105066, Российская Федерация
E-mail: kchs3181@gmail.com

Книга Моники Краузе посвящена проблеме неравенства среди исследовательских объектов. Почему одни из них изучаются чаще, чем другие? Как это влияет на эпистемологическую и институциональную организацию социальных наук? Чтобы ответить на эти вопросы, Краузе обращается к биологическому понятию «модельного организма». Подобно тому как в науках о жизни внимание ученых сконцентрировано на определенных видах мышей, плодовых мушек, червей и других существ, в социальных науках есть свои «привилегированные» материальные объекты. Краузе называет их «модельными кейсами». Для социологии профессий это врачи и юристы, для социологии города — Чикаго и Нью-Йорк. В рамках логики модельных кейсов и биологи, и социальные исследователи используют конкретные материальные объекты в качестве «заместителей» (stands-in) объектов эпистемических (epistemic target), но делают это по-разному. Краузе разрабатывает терминологический аппарат, позволяющий описать способы обращения с материальными объектами в разных дисциплинах. На протяжении всей книги она соединяет аналитические выкладки с обсуждением нормативных вопросов, главный из которых: «В чем нуждается социология, а чего в ней более чем достаточно?» Краузе дает на него ответ в конце каждой из шести глав книги. Восстановим логику ее аргументов.

Первая глава предлагает классификацию «родственным» модельным кейсам стратегиям предпочтения одних объектов другим. Самый дальний родственник — «логика покрытия». Действующий в ее рамках исследователь предпочитает те объекты, что ранее не были изучены или были изучены «недостаточно». Так, полевой биолог стремится открыть и описать новые организмы, археолог ищет «находки», а историк вводит в оборот архивные материалы. В отличие от логики модельных кейсов, «логика репрезентативности» использует объекты не в качестве «представителей для чего-то другого» (representatives for something else; Чикаго — модель Города), а в качестве «представителей чего-то другого» (representations of something else; популяционная выборка). Иными словами, модельные кейсы работают иконически, а логика репрезентативности — метонимически. Сходным образом Краузе разграничивает модельные кейсы с формальными моделями. Последние

конструируют свой объект в эвристических целях, это модели чего-то, а не для чего-то. Наконец, «логика приложения» переносит открытия, сделанные на основе модельных кейсов, на другие объекты. Так, термины, которыми Бруно Латур пользовался в исследовании научных лабораторий, адаптируются для описания судов, банков, архитектурных сооружений.

Логика приложения — давняя мишень критики Краузе и ее соавтора Майкла Гуггенхайма. Еще в статье «Как путешествуют факты» (2012) они иллюстрировали принцип «приложения» через ироническую формулу Рэйвина Коннелла “X in Australia”, где X — любой канонический феномен¹. Согласно Краузе, эти и другие конструкции вроде «Фуко в Зоопарке», «Фуко и Терапия», «Фуко в Образовании» — результат нерелексивного применения логики модельных кейсов. Предполагается, что то, что было верно для привилегированного материального объекта, будет верно для целого класса смежных или вовсе других объектов.

В следующих двух главах Краузе анализирует, какую роль играет материальная инфраструктура в эпистемических практиках, связанных с модельными кейсами. Во второй главе вводится понятие «спонсируемого заместителя» (sponsored stand-in). Критикуя мертоновский «стратегический исследовательский материал», Краузе обращает внимание на то, что путь от цели к объекту опосредуется рядом факторов, «лоббированных» определенными заместителями эпистемических объектов. Среди них доступность, практическое удобство, популярность, субкультурный bias, профиль журналов, финансирующие организации. Краузе подчеркивает, что этот список «нарочито эклектичный» (р. 44). Он нужен для того, чтобы подсветить «обыденный» аспект в выборе исследовательских объектов и избежать дебатов, которые сталкивают внутренние ценности науки и внешние (политические, экономические, идеологические) интересы.

Третья глава фокусируется на вопросе о производстве привилегированных материальных объектов. Модельные организмы у биологов — результат сознательных и систематических усилий по созданию подходящих для исследовательских целей материальных объектов. Работа по стандартизации требует огромной инфраструктуры, в рамках которой скоординированы усилия исследователей, производителей организмов, регулирующих органов и финансирующих организаций (р. 56-57). Инвестиции в затратные процедуры стабилизации объекта в конце концов окупаются возможностью получать сравнимые результаты. В отличие от биологов, социологи не выращивают своих врачей, не стандартизируют больницы и не могут сделать лабораторный Чикаго. Предпочтение одних материальных объектов другим остается имплицитным. Краузе не устает повторять, что логика модельных кейсов сама по себе ни хороша, ни плоха, у нее есть как достоинства, так и недостатки. Однако, пользуясь экономической метафорой, можно сказать, что одни научные предприятия извлекают ренту из модельных кейсов, а другие лишь терпят убытки, не особо замечая это. Краузе призывает к рефлексивности

---

1. Guggenheim M., Krause M. (2012). How Facts Travel: The Model Systems of Sociology // Poetics. Vol. 40. № 2. P. 108.

и предлагает больше уделять внимание жанру *restudy*, в котором объект изучается с опорой на предшествующие исследования того же самого объекта (р. 62-65).

Следующие две главы демонстрируют связь модельных кейсов с институциональной организацией социальных наук. В четвертой главе Краузе анализирует, как категории, в основе которых лежит представление о некотором парадигматическом объекте или подходе, определяют карьерные возможности ученых. Социология гендера до сих пор ассоциируется с исследованиями женщин, социология права — с уголовным правом, этнометодология, акторно-сетевая теория, региональные исследования — с классическими работами известных авторов. Эти и другие дифференцирующие категории создают «амбассадорские возможности» в академии. Их формула — «потребность в *x* для *y*»: один департамент может нуждаться в «теоретике», другой — в «городском исследователе» (р. 78). Краузе подчеркивает, что путь к перманентной академической позиции, как правило, связан с амбассадорством. Таким образом, дисциплинарные категории структурируют воспроизводство академических сообществ.

Хотя пятая глава называется «Схемы социальной теории», она, в сущности, продолжает обсуждение академического амбассадорства. Согласно Краузе, в социологии «теория» как отдельная категория окончательно институционализировалась лишь во второй половине XX века. В это время появились теоретические журналы и учебники, а также теоретические секции в дисциплинарных ассоциациях (р. 89). Вместе с рождением «теории» исследователи стали делиться на «коллег» и «привилегированных авторов». Имена и работы последних, подобно модельным кейсам, циркулируют в качестве «заместителей» теории. Это, в свою очередь, порождает феномен авторского амбассадорства. Краузе замечает, что в каждом национальном контексте у теоретиков есть свои иностранные «чемпионы»: в США это «посольства» Бурдые, Вебера, Дюркгейма и Лумана, в Германии — Бурдые и немного Болтански. Исследователи могут строить карьеру, занимая позиции вроде «*X* был всегда прав», «вы должны читать *X* в контексте» или обвиняя коллег в непонимании «своего» автора (р. 94). Превращение «коллеги» в «теоретика» сопровождается деконтекстуализацией его исследований. Так, для нефранцузов эмпирические работы Бурдые сужаются до чистой теории. Все эти факторы поощряют «индустрию приложений». Фукольдианское *gouvernementalité* находят «плодотворным» в изучении психоанализа, благосостояния или его отсутствия, лагерей для беженцев, а также заключенных в Гуантанамо. Как и ранее, решение Краузе связано с методологической рефлексивностью. Она противопоставляет логике приложения компаративный анализ эмпирических кейсов и контекстуализацию «теоретических» работ.

Наконец, шестая глава посвящена модельным кейсам глобального знания. Краузе удастся перевести дебаты о европоцентризме и англо-американской академической гегемонии на свой аналитический язык. Ее аргумент можно свести к цепочке из трех элементов: логика модельных кейсов → индустрия приложений → глобальное академическое неравенство. Принцип предпочтения одних матери-

альных объектов другим, опосредуемый логикой приложения, ведет к тому, что одни исследователи работают с модельными кейсами, тогда как другие вынуждены иметь дело с периферийным материалом, «прикладывая» к нему привилегированные подходы. Краузе обращает внимание на то, что даже у постколониальной теории есть свои избранные «заместители» в лице канонических авторов и материальных объектов. Будучи институционализированы, исследования власти, подчиненности и субъективности в Южной Азии, в частности в Индии, породили новый виток «приложений» к другим постколониальным регионам. Краузе остается верной своему главному рецепту и предлагает критически сравнивать хорошо изученные и малоизвестные контексты.

«Модельные кейсы» могут быть прочитаны как манифест «социоматериальной» социологии и, шире, социологии социальных и гуманитарных наук (SSSH) (р. 71, 85, 87, 105). Как бы справедливо Краузе ни критиковала эксцессы логики приложения, сама ее книга убедительно демонстрирует продуктивность адаптаций привилегированных подходов к новому материалу. Открыто опираясь на находки STS-исследователей и предпринимая попытку соединить их с институциональной социологией науки в духе Роберта Мертона, она показывает, как неравенство среди материальных исследовательских объектов, с одной стороны, поддерживается рутинизированными эпистемическими практиками, а с другой — порождает институционализированное академическое неравенство. Противоречие между тем, что делает сама Краузе, и ее излюбленной мишенью для критики может быть объяснено различием ею логики приложения и компаративного анализа. Действительно, «Модельные кейсы» — это во многом сравнение исследовательских практик в разных дисциплинах. Однако компаративный фокус отнюдь не отменяет логику приложения.

Тонкую грань между этими двумя исследовательскими приемами можно проиллюстрировать статьей «Кушетка как лаборатория?» Краузе и Гутгенхайма. Анализируя эпистемические практики психоанализа, авторы фиксируют феномен «простого приложения» обобщенной теории к отдельным кейсам. Они сравнивают этот прием с уже знакомыми для читателей рецензии примерами из циркуляции *gouvernementalité* Фуко². Однако их собственный анализ — приложение STS-концепта, но не «простое», а сравнительное. С самого начала статьи авторы заявляют о намерении использовать концепт «лаборатории» всерьез, а не как стертую метафору³. Таким образом, различие компаративистики и логики приложения похоже скорее на рефлексивную и нерефлексивную версию одного и того же.

Хотя Краузе явно протаскивает нормативный смысл в свою аналитическую категорию, из-за чего она теряет логическую силу, последовательное продолжение ее исследовательского проекта способно скорректировать эту проблему. Подобно

---

2. Krause M. (2013). The Couch as a Laboratory? // *European Journal of Sociology*. Vol. 54. № 2. P. 205.

3. Ibid. P. 190.

тому как в одной из статей она писала о том, «как различаются поля»⁴, читатели «Модельных кейсов» могут задаться вопросом: «Как различаются логики приложения?» Как бы того, может быть, ни хотела Краузе, ее находки можно смело советовать «прикладывать» к другим объектам. Но обязательно рефлексивно.

Check your Privilege, or Sociology of Research Objects

Book review: Krause M. (2021) *Model Cases: On Canonical Research Objects and Sites*. Chicago and London: University of Chicago Press.

Alexander Kim

Student, Faculty of Humanities, HSE University

Address: 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105006, Russian Federation

E-mail: kchs3181@gmail.com

---

4. Krause M. (2017). How fields vary // *The British Journal of Sociology*. Vol. 69. № 1. P. 3-22.